

Иван Коневской

Мечты и думы

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-1
ББК 84-5

Иван Коневской

Мечты и думы / Иван Коневской – М.: Книга по Требованию, 2011. – 68 с.

ISBN 978-5-4241-2265-1

Иван Коневской (настоящее имя - Иван Иванович Ореус) - своего рода легенда русского символизма, оказался практически забыт, несмотря на высокую оценку его рано обретшего зрелость творчества Блоком, Брюсовым, Мандельштамом. Поэзия Коневского - образец "поэзии мысли", - пронизана глубоко личными натурфилософскими переживаниями и является необходимым звеном, связывающим символизм с русской поэзией XIX в., с Баратынским, Тютчевым, Кольцовым, Ал.Толстым. Его творчество, по слову исследователя, "с почти хрестоматийной ясностью предсказывало дальнейшее развитие русского символизма", углубленные философско-религиозные поиски его представителей, их интерес к истории и фольклору. Вместе с тем, отзвуки поэтических опытов Коневского, его "затрудненной", архаизирующей поэтики обнаруживаются и у Гумилева, и у Пастернака, и у Заболоцкого, и у Хлебникова.

ISBN 978-5-4241-2265-1

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Иван Коневской
"МЕЧТЫ И ДУМЫ"
СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ
КНИГИ
1896–1899

*Bist Alles und Keins, bist Schenke und
Wein,*

Bist Phönix, Berg und Maus.

Fällst ewiglich in dich hinein.

Fliegst ewig aus dir hinaus.

Bist aller Höhen Versunkenheit.

Bist aller Tiefen Schein

Bist aller Trunknen Trunkenheit...

1 Nietzsche. "Sprüche eines Wassertrinkers"

ПОСВЯЩЕНИЕ

«Джиоконде» Винчи

...le sourire étrange de la Vie.

H. de Régnier.

Сам я смеюсь над собой.
Знаю — я властен, но хил.
Ты же мою судьбой
Правишь, как мудрость могил.
Дерзко метнусь я к лучам:
Смотришь — а ты уже тут.
Взором, подобным врачам,
Правишь над дерзким ты суд.
В зыбких и твердых устах
Ведений тьмы залегли.
Силен ли я, иль зачах —
Век мне открыть не могли.
Вечно и «да» в них, и «нет».
Благо им, слава за то!
Это — премудрый ответ:
Лучше не скажет никто.
26 июня 1898
Lauterbrunnen

ИЗ «ВЕЧНЫХ СВОДОВ»...

Я уходил под тени свода,
Я уходил в урочный час.
Со мной спевалась непогода,
И я стоял, лучей дичась.
Глядел в те дни я исподлобья.
Но не терял из виду свет.
Не уходил все глубже в гроб я:
Я помнил радости завет.
А все же мне встречались тени
Сыны: узнав их, я любил
Все муки вещей их видений
И ни на миг их не забыл.
Со мной вы, дети тени лживой:
Ваш бледный лик меня живит,
Когда в день светлый и счастливый
Зарею алой мир повит.
26 сентября 1898
Петербург

ПРИЗЫВ

Валерию Я. Брюсову

Давно ли в пущах безответных,
И в недрах гор, и в лоне рек
Витал народ существ заветных,
Кому смешон был человек!
Сей человек, столь закоснелый
В своей коре, в своих корнях —
Он чужд и мертв природе целой,
Вращаясь в безысходных днях.
О племя оборотней чудных,
Всему чужих, всему родных,
Как часто, средь мгновений скудных,
Я бредил о житьях иных —
О днях таинственной свободы
И в горних, там, и под землей,
И к вам, прельстители природы,
Стремился дух ничтожный мой.
3 мая 1899
Петербург

МЕЛЬКОМ I–V

I. В КЕЛЬЕ И В ПОЛЕ

1895/96 — зима и лето

Боровичский уезд в Новгородском краю

Петербург

ВОСКРЕСЕНИЕ

Небо, земля... что за чудные звуки!
Пестрая ткань этой жизни людской!
Радостно к вам простираю я руки,
Я пробужден от спячки глухой.
Чувства свежи, обаятельны снова,
Крепок и стоек мой ум.
Властно замкну я в жемчужины слова
Смутные шорохи дум.
Сон летаргический, душный и мрачный,
О, неужель тебя я стряхнул?
Глаз мой прозревший, глаз мой прозрачный,
Ясно на Божий мир ты взглянул!
Раньше смотрел он сквозь дымку тумана —
Нынче он празднует свет.
Ах, только б не было в этом обмана,
Бледного отблеска солнечных лет...
В сторону — чахлые мысли такие!
Страстно я в новую жизнь окунусь.
Хлещут кругом меня волны мирские
И увлекают в просторы морские:
В пристань век не вернусь!..
19 февраля 1895

В ОГНЕ ЗАКАТА

Вл. А. Гильтебрандту

Заревом рдяным небо залито.
Свет ты тревожный, чуткий, манящий,
Сколько в тебе откровений сокрыто,
Правды щемящей!
В сердце щемит... натянуты струны...
Настороже слух вещей душевный.
Вот уже слился в груди с тоской задушевной
Трепет надежды, пленительно-юный...
Ждешь поминутно: вот-вот мечта загорится,
Мир озарит от края до края.
Все напряглось — и что-то должно сотвориться,

Свет неприступный — с земным естеством примириться:
Эти лучи, это — проблески рая!..
Что-то меж тем на дне души шевелится.
Шепчет оно заклинанья глухие:
Свет безвестный, помедли — нам ли с тобой уже слиться?
Наша судьбина — жаждать, рваться, молиться:
Рай утоления — не наша стихия.
Если зажжешься ты, все же будем томиться:
Ты не обманешь нас — жаждем света иного.
К этому свету мы можем только стремиться:
Гибелен он для ока земного.
Силы мятежные мощь светила вспугнули:
Меркнет оно... тускнеют в душе упования...
В сумраке томном холмы, поля потонули.
Млеет дух... подернулось дремой сознание.
Вдруг — луч месяца: новое нам откровенье!
Вот — исполнитель того светового обета...
Свет безнадежный — наш вождь в бездне ночного забвенья:
Ждем неземного рассвета.
Все же, все же... о, тот восторженный миг ожидания,
Блесток и тени,
О, осени меня вновь на земном ты скитанье!
Пусть отодвинул ты в вечность с горним светом свиданье —
Был ты и будешь знаменьем новой ступени.
Жизни венец — этот час напряженности дивной
В этом пророческом свете заката.
Всякий раз отзовусь и кинусь вперед без возврата
Я на завет тот солнца, прощальный, призывный.
Начало января 1896. Петроград

ОБРАЗЫ НЕСТЕРОВА

I. СВЯТОЙ КНЯЗЬ БОРИС

Алексею Веселову
С детства вид знакомый:
Косогор песчаный,
Ельником поросший,
Мутненькая речка.
Небо так же мутно,
Пасмурно и немо.
Но под этим небом
Вырос витязь статный.
Строен он и тонок.
Кругом — ельник чахлый.
Сам же он, как елка,
Елочка густая.
Как с вершины елки

Зелень вниз склонилась,
Так и он глазами
И главою никнет.
Никнет точно в воды,
Воды дум волнистых,
Смутных и заветных,
Вещих, несказанных.
Есть в нем кровь и удаль:
Волос — черный, жаркий:
Жгучая печать то
Пламени плотского.
И его тянула
Вся роскошь земная —
И любовь, и взрывы
Воли молодецкой.
Глубоко все это
В душу западало,
Сердце колыхало,
Ночью в снах смущало.
Но... еще поглубже...
Гасли жизни вспышки,
Затихали вихри:
Там тоска таилась —
Тоска беспредельная,
Тоска безответная
О чем-то неведомом,
Прозрачном, воздушном.
Все росло, всплывало
Смутное влечение,
Просилось наружу
И все вытесняло.
И всю жизнь ярко-алую
Одолеть должно было
Оно неминуемо...
Море вдруг открылося.
Замерли порывы
При вторженьи Бога,
Силы все смирились
Пред давно желанным,
Кинулись к Нему оне:
Бери нас, Родимый!
От тяжести оторваны,
Тебе отдаемся!
О как часто Ты нам
Мерещился, снился...
Отблеск Твой — ведь вот в чем
Наша суть святая.

И вникает витязь
В думную пучину.
Вздыхаются волны,
Душу заливают.
И уж меч взял в руки он.
На брань снаряжился —
И с буйством преступности,
И с глыбой косной биться.
Весь как бы из недр он
Нашей жизни вырос:
Прорвался в нем
Все, что в нас накопело.
Будь же нам отрадой,
Отблеск наш родимый.
Лучистым видением
Среди мелкокопья.
10 декабря 1895

II. ВЕЛИКОМУЧЕНИЦА ВАРВАРА

Florestano Kallio

Кручи, камни бесплодные,
Неба своды холодные,
Белый, тусклый, тоскующий,
Чуждый жизни ликующей,
Свет, бесплотное чующий,
Цветики, свету сродные.
В странных ущелиях дивная дева живет.
Вот она высится — Бог неотступно зовет!
Нетленно-белоснежную
Одеждой безмятежною
Вкруг стана вся закрылася...
Лицо же растворилось
В улыбку — и прилежную,
И умиленно-нежную,
И на все дни — безбрежную.
Приголубь меня, сердца больного родимая мать!
Вознеси на улыбке своей, дай мне духам внимать!
Из очей провидящих
Хоть слеза скатилась,
Но в улыбку и она
Тут же обратилась.
Вглядываюсь в лик ее,
Чтоб земная боль моя
В глубь земли спустилась.
И отдаться готов безвозвратно, вполне,
И нет тела на мне, и нет веса во мне,
И мне радостно дышится в вольной стране.

13 декабря 1895
С.-Петербург

ОТРЫВОК

Первозданная свежесть и резкость весны,
Крепкий запах весенней стихии!
Ты вливаешься в нас до нежнейшей струны.
И неистовства едко-сухие
Мы вдыхаем, сильны.
Дикий дух мятежа и войны,
Исступленные соки глухие,
Нас мутите вы властно, природы сыны.
Захмелеем же мы,
Словно древние гунны лихие...
15 мая. Петроград

НА ЛЕТУ

Внедряйся в меня ты, о свет прославленный, горний!
Скачу на коне я, весь отшатнулся назад...
Поводья отпущены... Все просторней, просторней
Поля разбегаются, дерзко дали глядят.
Струись, лучезарный, вторгайся в душу и в тело!
Я все распахнул, ворота все настежь стоят.
Собой не владею я: мной краса овладела,
И хмелем привольным эфира волны поят.
Вместить бы себе кругозор в разверстые очи!
Да, вырваться хочется им из тесных орбит.
Они расширяются... но вместить нет им мочи:
Лик цельной красы в человечьем оке убит.
И весь свой состав предал ветру, лучам я в руки.
Волна набежала... крепчает грозный напор.
Вот дух захватило, я вздрогнул: восторг и муки...
И что за неистовый, непостижимый простор!
16 июня 1896
Михайловское

ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Во храме сумрака —
Сиянье рдяное
И песня, брежжащая
С тихим трепетом.
И в неисследимом,
В неизглаголанном
Мерцают отзвуки
Из детства милого.
Ниц простираюсь я